

Научная статья

УДК 82

DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-58-78

**Опыт мотивного сопоставления
«Баллады о Виттингтоне» Эдуарда Багрицкого
и седьмой части «Возведенных на эшафот» Бориса Волкова ***

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

Предпринята попытка прочтения стихотворения автора восточной эмиграции Б. Волкова «На западе луч рдеет алый...» (б/д) в диалоге с «Балладой о Виттингтоне» Э. Багрицкого (1923). Ни то, ни другое произведение еще не подвергалось специальному литературоведческому анализу. Выявлены претексты баллады Багрицкого, каковыми являются английская сказка «Виттингтон и его кошка» и «Ингkapский риф» Р. Саути. Показана связь баллады с этими двумя произведениями, существующая на уровне нескольких намеков. Главный из них – мотив звучащего колокола, играющий ключевую роль в произведении Багрицкого. При его сравнении со стихотворением Волкова проанализированы элементы межтекстового диалога, относящиеся как к поэтическому тезаурусу, так и к уровню формообразования. Несмотря на отсутствие достаточных аргументов в пользу рецептивного характера стихотворения Волкова, способ межтекстового анализа позволил выявить разность внутренних позиций двух авторов, выраженных от лица лирических героев. Состояние неопределенности лирического субъекта «Баллады о Виттингтоне» становится характеристикой душевных метаний самого поэта в ранний период творчества, тогда как в лирическом Я Волкова рельефно проступают черты воина и борца, обретшего полноту бытия в остром поединке с судьбой.

Ключевые слова

поэзия Э. Багрицкого, Б. Волков, литература восточной эмиграции, межтекстовый диалог, английские сказки, русский романтизм

* Автор сердечно благодарит дорогого коллегу Игоря Евгеньевича Лощилова за ценнейшие консультации в области текстологии и стиховедения, проведенные в процессе работы над статьей.

© Проскурина Е. Н., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 58–78

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 58–78

Для цитирования

Проскурина Е. Н. Опыт мотивного сопоставления «Баллады о Виттингтоне» Эдуарда Багрицкого и седьмой части «Возведенных на эшафот» Бориса Волкова // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 58–78. DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-58-78

An Attempt at a Motivic Comparison of Eduard Bagritsky's "Ballad of Whittington" and the Seventh Part of Boris Volkov's "Raised to the Scaffold"

Elena N. Proskurina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

The present study is an attempt to analyze the poem "In the West, the ray roars scarlet" (undated) by eastern emigrant writer B. Volkov in comparison with "The Ballad of Whittington" by E. Bagritsky (1923). Neither of these works has yet been subjected to special literary analysis. Pre-texts of Bagritsky's ballad, such as the English fairy tale 'Whittington and His Cat' and R. Southey's 'Ingkap Reef', have been identified. The connection between the ballad and these two works is shown at the level of several hints. The main one is the motif of the sounding bell, which plays a key role in Bagritsky's work. When comparing it with Volkov's poem, we analyze the elements of intertextual dialogue related both to the poetic thesaurus and to the level of grammar forms.

Despite the lack of sufficient arguments in favor of the receptive character of Volkov's poem, the method of intertextual analysis revealed the difference between the internal positions of the two authors expressed in the lyrical characters. The vagueness of the lyrical subject of 'The Ballad of Whittington' reflects the poet's own mental metamorphosis in the early period of creativity, while Volkov's lyrical self is characterized by the features of a warrior and a fighter, who found the fullness of being in a fight with fate.

Keywords

E. Bagritsky's poetry, B. Volkov, literature of Eastern Emigration, intertextual dialogue, English Fairy Tales, Russian romanticism

For citation

Proskurina E. N. An Attempt at a Motivic Comparison of Eduard Bagritsky's "Ballad of Whittington" and the Seventh Part of Boris Volkov's "Raised to the Scaffold". *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 58–78. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-58-78

Поэт, прозаик и журналист Борис Волков (1894–1954) прошел через восточную эмиграцию (Монголия, Китай, Япония) и с 1923 г. осел в США. Единственная выпущенная им при жизни книга была сборником стихотворений, который назывался «В пыли чужих дорог» [1934] (переиздание: [Поэт восточной эмиграции..., 2024, с. 105–247]).

Тщательно выстроенную композицию книги завешает раздел, озаглавленный «Часть IV. Возведенные на эшафот (Отрывки из поэмы)» и снабженный ремаркой: «Время: вторая половина XVI-го века. Место: Фландрия и Неизвестные Страны. Действующие лица: Такие же люди, как и мы» [Волков, 1934, с. 125]. Каждая из семи частей пронумерована римской цифрой и озаглавлена многозначительным названием, построенным по заданной Леонидом Андреевым модели «Тот, кто получает пощечины» («Тот, кто возводит на эшафот», «Тот, чьи книги сжигают прежде, чем сжечь его самого», «Те, кто переживают казнь» и др.). Каждой из частей предпослан небольшой прозаический текст, напоминающий театральную ремарку и описывающий место действия и действующих лиц. Такая структура размыкает не только родовые (эпос, лирика, драма), но и жанровые границы этого текстового ансамбля (поэма или цикл стихотворений, представленный автором как «отрывки из поэмы?»), преобразуя поэму в гибридный жанр (см. об этом подробнее в нашей статье «“Реестр переживаний” Бориса Волкова»: [Поэт восточной эмиграции..., 2024, с. 77–99]).

Вместе с тем в основе каждой из частей лежит поэтический текст, объем которого варьируется от 5 до 19 четверостиший. Он может восприниматься и изучаться как отдельное, относительно самостоятельное стихотворение. Именно так в дальнейших рассуждениях мы будем рассматривать последнюю, завершающую композицию «Возведенных на эшафот» и всей книги, часть «VII. Тот, кто открывает неожиданно для себя неизвестные страны», которая привлекла наше особое внимание (см. приложение).

Как нами отмечалось ранее, среди литературных авторитетов основное место для Волкова в ряду русских поэтов XX в. принадлежит Николаю Гумилеву (см., например: [Проскурина, 2021; Поэт восточной эмиграции..., 2024, с. 20–44]). В то же время его стихотворения попадают в более широкий поэтический контекст периода революции и Гражданской войны.

Одна из линий, при более пристальном рассмотрении, от Гумилева протягивается к Эдуарду Багрицкому: влияние гумилевской поэзии особенно отчетливо было проявлено в ранний период его творчества. «Гумилев так завораживает, что вы теряете самого себя. Я сам только недавно вырвался из его колдовского плена», – признавался Багрицкий Семену Липкину [Липкин, 1995, с. 25]. Море, ветры, корабли, паруса, капитаны, дальние берега, экзотика южных стран – мотивные образы, характерные для поэтического мира Гумилева, позднее были восприняты Волковым. Один из ключевых мотивов первого периода творчества Багрицкого – мотив свободы, звучащий в его «Птицелове» (1918), «Сказании о море, матросах и Летучем Голландце» (1922), «Тиле Уленшпигеле» (1923)... – произведениях, контрастно оттеняющих создаваемый в это же время корпус его революционных стихов. Несомненно также влияние атмосферы Одессы, где писались эти произведения, с ее морем, портом, чайками, на общий фон названных стихотворений. «Багрицкий был рожден югом. В Одессе много света, моря, ветра и веселья, и Одесса должна была дать такого жизнерадостного поэта, как Багрицкий», – вспоминал К. Паустовский в очерке «Молодость» [Эдуард Багрицкий..., 1936, с. 247].

Именно в это время Багрицкий создает «Балладу о Виттингтоне», занимающую в приведенном выше ряду особое место: тема обретенной свободы осложня-

ется здесь душевными терзаниями лирического героя. Незнученность этой баллады заставляет нас остановиться на ней подробнее.

При жизни поэта баллада была напечатана в разных редакциях и под варьирующимся названием четырежды [Багрицкий, 1923а, с. 2; 1923б, с. 3; 1926, с. 3; 1928, с. 5]. Еще один подготовленный автором вариант был опубликован уже после его смерти [Багрицкий, 1934, с. 24–26]. Именно он был узаконен в качестве канонического в подготовленном Владимиром Нарбутом и вдовой поэта, Лидией Суок (Багрицкой), в первом томе собрания сочинений [Багрицкий, 1938, с. 272–274; примеч.: с. 640–641], вышедшем, однако, в силу трагических обстоятельств, без указания их имен; второй том остался неосуществленным (см. об этом: [Багрицкий, 1964, с. 515]).

Невозможно сказать с уверенностью, в каком из этих изданий читал Волков «Балладу о Виттингтоне» и читал ли вообще. Косвенным свидетельством того, что Волков следил за литературной жизнью Советской России, могут, в частности, служить строки из его стихотворения «России», опубликованного в альманахе «Земля Колумба»: «Демьяном ли ты богата? / Луначарским ли ты горда? <...> // Дыханьем своим нечистым / Обдал, разверзая зев... / В двадцать первом году чекистом / Застрелен был Гумилев» [Волков, 1936, с. 13]. Книга «В пыли чужих дорог» вышла в свет в конце 1934 г. (см., например, сообщение: [Издания..., 1934, с. 8]). Стихотворения в книге не датированы и лишь в некоторых случаях снабжены указанием на место создания («Ставка Цецен-хана. Монголия», «Калган – Ущелье Северного Китая», «Пристани Сан-Франциско» и др.). Датировка, приведенная после содержания книги, носит обобщенный характер: «Большинство помещенных в настоящей книге стихотворений было напечатано с 1921 года по 1933 год в русских газетах и периодических изданиях в Китае (Харбин), Франции (Ницца), Чехо-Словакии (Прага) и в Америке (Сан-Франциско, Чикаго)» [Волков, 1934, с. 159].

Не имея достоверных сведений о знакомстве Волкова с текстом Багрицкого, мы исходим из предположения, что седьмая часть «Возведенных на эшафот» написана под влиянием памяти о «Балладе о Виттингтоне». На диалог с ней указывает ряд мотивных переключек, встроенных в сюжет: ситуация спасения (освобождения) героя от преследования благодаря отплытию в «неведомые земли». Однако сюжетные стратегии двух этих произведений противоположны.

Наименее вероятным представляется знакомство с текстом в воспроизводимой во всех последующих изданиях редакции из «Однотомника» Багрицкого, вышедшего в свет в октябре 1934 г. (см.: [Дневник Литературной газеты..., 1934, с. 1]), вскоре запрещенного цензурой и надолго исключенного из читательского обихода (см.: [Блюм, 2003, с. 44]). Поэтому, не подвергая сомнению выбор составителей собрания сочинений 1938 г., в приложении мы воспроизводим текст (с нумерацией строк) в последней из вышедших при жизни автора редакции [Багрицкий, 1928, с. 5] под непривычным для современного читателя названием «Песня о Виттингтоне».

Воспользовавшись случаем, приведем уточненный свод разночтений прижизненных редакций (1–3) и редакции из «Однотомника» (5), в качестве основного отталкиваясь от текста 1928 г. (4), оформленного в журнале в виде трех композиционных блоков (6, 7 и 4 четверостишия) и проиллюстрированного художником Петром Алякринским (1892–1961).

Рис. худ. П. Алякринского

Песня о Виттингтоне

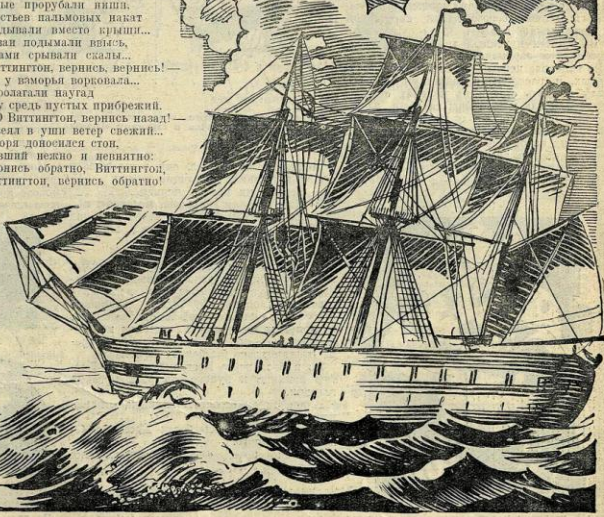
Э. Багрицкий

О! Я мертвым пал. Моей рукою
Бодила дикая отвага...
Ты не заштопаешь иглой
Прореху, сшитую ишагой!
Я заплатил свой долг, джентльмен,
Не возмущайся, не ревнуй!
Недаром помню: кровь за кровь
И поцелуй за поцелуй...
О ночь в дожде и фонарях,
Ты дунешь в уши востром страхом...
— Сначала судьи в париках...
А там палач, топор и плаха...
Я трудный затвердил урок:
В тумане ночи непробудной;
На юг, на запад, на восток
Мотай меня по волнам, судно...
И дальний берег за кормой,
Омывай морем, тает, тает...
Там шпала, брошенная мной,
В дорожных травах истлевает...
А с берега несется зvon,
И песни дальняя волнана:
— Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!

О путешествия! Не мы ль
Чудесные открыли страны,
На утлом судне в шторм и в штиль
Мы носимся по океану...
Был ветер в сумерках жестокий,
А на заре, смрой и алой,
По дну заскрипел песок...
И судно, дрогнув, затрещало.
Вступила в первый раз нога
На незнакомые от века
Чудовищные берега,
Не видевшие человека.
Мы бревна сваливали в ряд,
Дверные прорубали дыры,
Из дышек пальмовых дышат
Накладывая вместо крыш...
Мы сваи подымали высью,
Лопатами срывали скалы...
— О Виттингтон, вернись, вернись! —
Волна у изоморф ворковала...
Мы пролагали наугад
Дорогу средь пустых побережий.
— О Виттингтон, вернись назад! —
Мне веял в уши ветер свежий...
И с моря доносился стон,
Звоневший нежно и лаянно:
— Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!

Мы дни и ночи напролет
Стругали, резали, рубили,
И грузный свозотили плот,
И оттолкнувшись, и поплыли...
Без коммаса и без руля
Нас чуждо таптыла путями.
Покуда корпус корабля
Не встал, сверкая шарсами...
Домой! Прощенье дано —
И снова мы придем бодуный,
Звени ж на мачтах, полотно,
Гуди и содрогайся, судно...
А с берега несется зvon,
И песни дальняя волнана:
— Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно.

5

Эдуард Багрицкий. Песня о Виттингтоне. Иллюстрации П. Алякринского
(Красная нива. 1928. № 52, 23 дек. С. 5)

Eduard Bagritsky. The Song about Whittington, illustrated by P. Alyakrinsky
(Krasnaya Niva, 1928, no. 52, December 23, p. 5)

1. Газета «Моряк» (1923, № 337, 15 апр., с. 2)

Номер строки	Песня о Витингтоне (<i>Из английских песен</i>)
15	На юг, на запад и восток
21	И колокольный слышен звон,
25	О, приключения! Не вы ль
27	На ветхом судне в шторм и штиль
30–32	И вот зарей сырой и алой О дно за<с>крежетал песок, И судно, вздрогнув, затрещало.
50	Гудевший нежно и невнятно:
67	«Уйди отсюда, Витингтон

Четверостишия напечатаны с пробелами.

2. Журнал «Силуэты» (1923, № 12, с. 3)

Номер строки	Баллада о Витингтоне, его путешествии и возвращении (<i>Соути</i>)
25	О, приключения! Не вы ль
31–32	О дно заскрежетал песок, И судно, вздрогнув, затрещало.
50	Гудевший нежно и невнятно:
67	– Уйди отсюда, Витингтон.

Границы четверостиший обозначены сдвигом четных вправо. Три пунктирными чертами дважды отмечены границы композиционных блоков: между 6-м и 7-м и между 13-м и 14-м четверостишиями. Вариант «О дно заскрежетал песок» после этой публикации не встречается: вероятно, автор обратил внимание на возможность непреднамеренного каламбура («О дно» звучит как «Одно»), и строка обрела вид «По днищу заскрипел песок». Сходна судьба строки «О, приключения! Не вы ль»: в редакциях 1926 и 1928 гг. «приключения» заменены на «путешествия», а в редакции 1933 г. соответствующая строфа исключена из текста.

3. Газета «Комсомольская правда» (1926, № 117 (300), 23 мая, с. 3)

Номер строки	Баллада о Витингтоне Соути / Пер. Э. Багрицкий
9	О, дождь в дожде и фонарях,
50	Гудевший нежно и невнятно:

Границы четверостиший обозначены сдвигом вправо нечетных. Между 6-м и 7-м четверостишиями – строка отточия. Вариант «О, дождь в дожде и фонарях», скорее всего, является результатом описки или ошибки набора.

5. Книга: *Багрицкий Э. Однотомник* (1934, с. 24–26)

Номер строки	Баллада о Виттингтоне
25–28	–
32	И судно, вздрогнув, затрещало.
37	Мы сваи подымали в ряд,
41	Мы балки подымали ввысь,
45	Прокладывали наугад
48	Нам веял в уши ветер свежий.
50	Гудевший нежно и невнятно:
67	«Уйди отсюда, Виттингтон,
Дата	1921

Пробел на месте исключенного седьмого четверостишия (стихи 25–28). Первый стих предпоследнего четверостишия напечатан с точкой вместо восклицательного знака: «Домой. Прощение дано».

В комментариях к собранию 1938 г. было сказано, что баллада «написана Багрицким не в 1921 г., как то помечено в “Однотомнике”, а в начале 1923 г. Дата же “1921” есть результат ошибки, допущенной Багрицким при составлении “Однотомника” (1933 г.), когда автору свою “Балладу” пришлось восстанавливать по памяти». (Вероятно, этим объясняется и рокировка слов «балки» и «сваи» в стихах 37 и 41.) Почему так произошло – остается неизвестным: комментаторы, видимо, опирались на собственную память, хранившую не поддающиеся ныне воссозданию обстоятельства¹. Нельзя исключить, что и опущенное в этой редакции четверостишие (стихи 25–28) было попросту забыто. В редакции 1936 г. текст баллады составляют 16, а не 17 четверостиший, и выделенный ритмическим курсивом участок, стихи 33–36 (см. об этом далее), завершает первую половину стихотворения, а не приходится в точности на его композиционный центр. Возможно, впрочем, что автор исключил строфу из-за составной рифмы («не вы ль» – «штиль»), нарушающей последовательно проведенный принцип намеренно банальной («бедной») рифмовки, вплоть до многочисленных грамматических рифм и даже «любовь» – «кровь». По авторской воле или по забывчивости, – отсутствие седьмого четверостишия создает разрыв, зияние в движении лирического сюжета стихотворения.

Имя героя, вынесенное в название баллады, отсылает к сюжету средневековых английских легенд о лорде-мэре Лондона Ричарде Виттингтоне (1354 vs 1358–1423). Содержание легенд практически полностью расходится с подлинной биографией Виттингтона. Родившись в семье дворянина из Глостеншира, Виттингтон в связи с неизвестными обстоятельствами переселился в Лондон, где наладил торговлю тканями, став поставщиком парчи и бархата для английской знати.

¹ В папке материалов к собранию сочинений с пояснительными заметками Л. Г. Суок (Багрицкой) «Баллада о Виттингтоне» представлена фотокопией страницы из журнала «Красная нива» без каких-либо помет (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1399 (Э. Г. Багрицкий). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 53).

Он трижды занимал пост лорда-мэра Лондона. Будучи бездетным, после смерти жены свое нажитое огромное состояние он отдал на благотворительность. Видимо, именно щедрость Виттингтона, распространившаяся в том числе и на бедняков Лондона (в частности, он инициировал устройство больничных палат для матерей-одинок, ремонт больницы св. Варфоломея, оказание помощи нуждающимся), послужила поводом для превращения его биографии в легенду, по образу сказочного сюжета *нищий, ставший принцем*.

В легендах Дик Виттингтон – уже не дворянин, а бедный сирота, который, наслушавшись рассказов о богатом городе Лондоне, мечтает в него попасть. Вскоре его мечта сбывается, однако там у него нет приюта, и он поступает в услужение к кухарке в дом купца. Но злая кухарка со временем так «доняла» Дика, что он решил бежать из дома. Тронувшись в путь, он неожиданно в звуках колокола различил слова:

Вернись скорее в Лон-дон,
Уиттингтон!
Дин-дон, дин-дон!
Лорд-мэр Уиттингтон!

Расценив этот призыв как пророчество, Дик возвращается в дом купца, несмотря на серию удач, связанных с взятой им в путешествие кошкой, искусной в ловле мышей и крыс. Вскоре он действительно становится лордом-мэром Лондона в результате неожиданно приобретенного богатства².

В балладе Багрицкого связь с этой легендой намечена лишь точно, буквально несколькими штрихами. Первый – ситуация отлучки. В биографии – это переселение Виттингтона в Лондон, в легенде – двойная отлучка, сначала из родного дома, а затем из дома купца, но не далее, чем на окраину Лондона. Багрицкий опускает все элементы легендарного сюжета, связанные с обретением героем богатства, обостряя драматический конфликт выдвижением в центр произведения услышанный героем зов о возвращении, обретающий свойство рефрена. В первый раз, в финале шестого четверостишия, он слышится как бы возникающим из звуков колокола, как и в легенде: «А с берега несется звон <...> / Вернись обратно, Виттингтон, / О Виттингтон, вернись обратно!». С вариациями, требующими разных рифм, рефрен повторяется в трех следующих друг за другом четверостишиях (11–13) и, наконец, в самом конце стихотворения.

Никаких других пересечений ни с биографией Виттингтона, ни с легендой о нем в балладе нет. Отплытие героя к дальним неизвестным берегам – вынужденная необходимость, связанная с убийством соперника на дуэли, которое грозит ему судом и смертью. Предыстория отплытия описана с характерной для романтической баллады загадочностью: сюжет о дуэли «просвечивает», но его интригующие подробности намеренно и искусно завуалированы. Виттингтон, достигнув на заре «чудовищных» берегов и начав устраивать свой новый дом, вновь слышит тот же призыв, на этот раз доносящийся из воды, из моря и ветра. Не в силах противиться этому внутреннему зову, который звучит уже как зов самой стихии, Виттингтон со своими спутниками начинает сооружать плот, на ко-

² См. подробное изложение легенды в сказочном воспроизведении: Дик Уиттингтон и его кошка. *Английская сказка*. URL: <https://solnet.ee/skazki/026> (дата обращения 26.01.2025).

тором отправляется в обратный путь. Но, достигнув родных берегов, герой Багрицкого вновь слышит знакомый звон: последнее четверостишие почти дословно повторяет шестое, за исключением одного слова: «дальняя» песня становится «близкой».

Как явствует из приведенного выше свода разночтений, в двух первых, одесских, публикациях фамилия героя была напечатана с одной буквой «т»: Виттингтон. Более интересно и загадочно, что во второй из них содержалось указание на авторство «Соути», а в газете «Комсомольская правда» в 1926 г. имя автора даже было напечатано после текста баллады как имя переводчика: «Перев. Э. Багрицкий».

Имеется в виду Роберт Саути (Robert Southey; 1774–1843)³ – английский поэт-романтик. Баллады о Виттингтоне среди его произведений обнаружить не удалось, хотя имя героя и шуточные намеки на сюжет с кошкой или на связь с лондонской топонимической легендой (“Whiting-town”) встречаются в его прозаических сочинениях, письмах (к Невиллу Вайту, 1819) и рабочих записях [Southy, 1812, p. 293–294; 1851, p. 119–120; 1856, p. 127–128].

В комментарии к собранию сочинений Багрицкого было сказано: «“Баллада о Виттингтоне” является такой же вольной интерпретацией Багрицкого уже имеющегося перевода, как и “Песня о Рубашке”, “Джон Ячменное Зерно”, “Разбойник” (перев. И. Козлова), “Веселые нищие”, которых Багрицкий заимствовал из антологии Н. В. Гербеля “Английские поэты в биографиях и образцах” (1875 г.). Гербель был вообще одной из любимых настольных книг Багрицкого и оказал на творчество последнего заметное влияние» [Багрицкий, 1938, с. 641]. Вероятно, комментаторы не успели проверить сведения об английском источнике, и в 1938 г. в печать ушли предварительные материалы к комментарию: В. Нарбут был арестован 26 октября 1936 г., вскоре была арестована и выслана в Караганду и Л. Г. Суок (Багрицкая). Ни баллады Саути о Виттингтоне, ни «уже имеющегося перевода», насколько нам известно, не существовало, и указание на английский источник было мистификацией Багрицкого, от которой он отказался уже 1928 г. В комментариях к тому 1964 г. указание на принадлежность английского оригинала Саути было квалифицировано как ошибочное, а предположительный источник определен как «не дошедшая до нас английская баллада XVII в.» [Багрицкий, 1964, с. 536–537]. Последнее утверждение неверно: текст народной баллады о Виттингтоне и его кошке («Sir Richard Whittington’s Advancement») был опубликован и прокомментирован уже в середине XIX в. [English and Scottish Ballads..., 1858, p. 165–172]. Однако Багрицкий, насколько нам известно, не читал по-английски, и эта публикация вряд ли могла быть ему знакома, тем более что в его стихотворении нет ничего общего с этим текстом, если не считать вариативного рефрена: «Whittington, back return!», «Turn again, Whittington!».

Говоря об особом отношении Багрицкого к антологии Гербеля, комментаторы, вероятно, опирались на собственную память. Михаил Голодный также вспоминал в очерке «Из записной книжки»: «Он очень любил английских поэтов и читал их наизусть. Из старых поэтов он прочел мне тогда стихи Соути, Попа, Бернса. Из новых – Киплинга. Читал он стихи неповторимо, – как никто» [Эдуард Баг-

³ В XIX и в начале XX в. русское написание фамилии английского поэта было вариативным: Саути / Соути.

рицкий..., 1936, с. 268]. Виктору Шкловскому принадлежит обобщение: «Английские баллаdisty, с чужим миром, учили Тихонова и Багрицкого овладевать своим» [Там же, с. 296].

Просмотр подборки произведений Саути в антологии Гербеля [1875, с. 221–230] выявляет лишь одно стихотворение, обнаруживающее мотивную связь с балладой Багрицкого; это «Ингпский риф» в переводе Ф. Миллера [Там же, с. 229–230]. Поэт мог знать его и по публикации баллад Саути в серии «Всемирная литература» с предисловием и под редакцией Гумилева [Саути, 1922, с. 45–47]⁴.

С «Балладой о Виттингтоне» это произведение связывает в первую очередь мотив звучащего колокола. Вместе с тем сюжет баллады Багрицкого предельно далек от сюжета «Ингпского рифа», где пирата по имени Ральф постигает кара за то, что он сбросил на дно установленный игуменом Абербротока колокол, своим звоном предупреждавший моряков об опасном рифе. В финале гибель постигает самого пирата, чье судно терпит крушение на Ингпском рифе. Семантическим центром сюжета баллады Саути является идея заслуженного воздаяния герою-авантюристу за содеянное зло.

«Баллада о Виттингтоне», таким образом, может быть понята как вольная интерпретация не одного, а двух произведений: «Ингпского рифа» Саути и народной английской баллады о Виттингтоне и его кошке, известной также в прозаическом, сказочном варианте (“Wittington end his Cat” [English Fairy Tales, 1895, p. 196–209]). Возможно, подзаголовок первой публикации («Из английских песен») отражает это наличие как минимум двух претекстов.

Ни баллады, ни сказки о Виттингтоне в переводах на русский язык в XIX – начале XX в., насколько нам известно, не существовало. Однако их сюжет в общих чертах был знаком русскому читателю благодаря изданиям романа Ч. Диккенса «Домби и сын» (1846–1848) в переводе Иринарха Введенского, где имя Виттингтона и призыв к возвращению являются лейтмотивом (см., например: [Диккенс, 1886, т. 1, с. 32, 59, 85, 87, 106, 166, 180; т. 2, с. 19, 347]). Так, фразу «Воротись, Виттингтон, во-ро-тись, Вит-тинг-тон!» произносит капитан Куттль вслед уезжающему за море Вальтеру, сюжетная линия которого варьирует легендарный сюжет. В примечании к этой реплике переводчик приводил легендарную историю Виттингтона: «В оригинале: “Turn again, Whittington”. Должно заметить, что в английской народной литературе в большом ходу старинная сказка о Виттингтоне под заглавием: “Whittington and his cat”. Виттингтон, молодой человек без всяких средств к существованию и без копейки в кармане, задумал ехать в Индию, откуда он воротился миллионером. На корабль его приняли потому только, что с ним была кошка, мастерица ловить мышей и крыс, которых на корабле развелось бесчисленное множество. Когда молодой человек, с отчаянием в душе, выходил из Лондона, ему чудилось, будто городские колокола вызвали его вслед за ним: “turn again, Whittington, turn a-gain Whitting-ton”, т. е. “воротись Виттингтон, во-ро-тись Вит-тинг-тон”. Эту колокольную фразу повторил теперь капитан Куттль» [Там же, т. 1, с. 166]. Именно эта «колокольная фраза» становится ключевой в сюжете баллады Багрицкого. Имя Виттингтона также упоминалось

⁴ См. подробную статью об истории и составе этого издания: [Тимофеева, 2019]; «...из восемнадцати баллад сборника Саути принадлежат только семнадцать: баллада “Призрак” (“The Spirit”) приписывается Саути ошибочно» [Там же, с. 142–143].

(а иногда и комментировалось русскими переводчиками) в романах Диккенса «Барнбери Радж» (1841), «Давид Копперфильд» (1849–1850) и «Холодный дом» (1853).

Однако Багрицкий указывал в публикациях 1923 и 1926 гг. только имя Р. Саути, в «Инггалском рифе» которого, как отмечалось выше, нет связи с историей Виттингтона... Таким образом, вопрос о круге источников баллады остается открытым.

В воспоминаниях К. Паустовского, относящихся к памяти о 1920-х гг., есть фрагмент, расширяющий контекст «Баллады о Виттингтоне» новыми, на этот раз неожиданными ностальгическими проекциями:

Я всегда любил стихи, но никогда еще они не входили в жизнь с такой естественностью, как тогда в Батуме. <...>.

Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!

Эти последние строчки особенно сильно действовали на меня, хотя ничего особенного в них не было. Очевидно потому, что однажды в Батумский порт пришел с грузом для фирмы «Сосифрос» грязный и безлюдный пароход под английским флагом. На борту его белой краской было написано знакомое имя «Виттингтон». Почему-то этот пароход вызвал у меня чувство жалости, как промокший под дождем, дрожащий от непогоды неудачник. Но и его кто-то ждал там, в Старой Англии. В каком-нибудь тусклом приморском городке болезненно билось скромное женское сердце, рано постаревшее сердце недавней красотки. Она дожидалась возвращения молчаливого мужа или сына, плававших на «Виттингтоне», на этом медлительном и застенчивом корабле [Паустовский, 1982, с. 314–315].

Возможно, пароход «Виттингтон» заходил в те годы и в одесский порт...

Исследователи Багрицкого незаслуженно обходят своим вниманием «Балладу о Виттингтоне». В беглом упоминании в статье А. А. Боровской произведение отнесено к жанровому типу «ролевых» баллад, при этом автор интерпретирует начальную фразу «Он мертвым пал» как «слова повествователя» [Боровская, 2008, с. 103], хотя они представляют собой часть монолога лирического героя и относятся к судьбе его соперника. Однако за ролевой маской Виттингтона, излагающего свою историю, скрыто лирическое *Я* самого поэта, еще мятущегося, колеблющегося в одесский период творчества в своем выборе между «Птицеловом» (именно так Багрицкий назван в книге воспоминаний В. Катаева «Алмазный мой венец») и «трубадуром эпохи» (как он определен во вступительной статье Е. П. Любаревой [Багрицкий, 1964, с. 6]). В. Катаев писал: «Ему хотелось быть Виттингтоном... <...> Он был каким-то Виттингтоном, которого нежный голос жены звал вернуться обратно. Но время было необратимо. Он мчался к славе, и возврата к прошлому не было. Никогда он больше не увидит крашенный подоконник, раскаленный южным солнцем до пузырей» [Катаев, 2005, с. 30–31]. В этом воспоминании, впрочем, можно усмотреть анахронизм: переезд Багрицкого в Москву состоялся в 1925 г., тогда как «Баллада о Виттингтоне» была написана им в 1923 г., и мотив возвращения не имеет в ней географических коннотаций, а отражает сложность, конфликтность бытийного самоопределения поэта.

Романтическая поэтика (ситуация поединка, образы шпаги, колокола, ночи, моря, ветра, тумана, волн, корабля, неведомых берегов, тайны) формирует общую атмосферу неопределенности, в которой оказался лирический герой баллады Баг-

рицкого. Наличие спутников не разрушает его внутреннего одиночества, что является типологической характеристикой романтического героя. Показательно, что микросюжет строительства нового дома оказывается в балладе оборванным, внешне преобразаясь в строительство плота, предназначенного для возвращения:

Мы бревна складывали в ряд,
Дверные прорубали ниши.
Из листьев пальмовых накат
Накладывали вместо крыши...
Мы сваи подымали ввысь,
Лопатами срывали скалы... <...>

Мы дни и ночи напролет
Стругали, резали, рубили,
И грузный сколотили плот,
И оттолкнулись, и поплыли...

Показательна смена художественного языка в этой части баллады: от романтической образности, выражающей неопределенность плавания «без компаса и без руля», к словесной конкретике строительного сюжета, характерной для изображения как возводимого дома, так и строительства плота. Прием перечисления отражает активность действий персонажей в обеих строительных ситуациях. Можно, впрочем, отметить и различие в организации перечислительных рядов в первом и втором фрагментах. Бессоюзие первого и начала второго семантически уравнивает действия строителей, представляющие сам процесс, словно не требующий особых усилий, тогда как повторяющийся союз «и» в последнем двустишии не только синтаксически означает трудность отплытия, но символизирует тяжесть принятого решения о возвращении. О том, что возвращение героя не становится выходом из неопределенности, свидетельствуют последние строки стихотворения: «Уйди отсюда, Виттингтон, / О Виттингтон, вернись обратно!». Преодоление позиции блудного сына оказывается, таким образом, мнимым.

Поэтический текст Бориса Волкова, о котором было сказано в начале статьи, открывается схожей сюжетной ситуацией.

Как и в балладе Багрицкого, действие отнесено в прошлое: в Нидерланды периода антииспанской революции XVI в. Спасаясь от преследователей, группа гезов осиливает долгий путь к неведомым землям «на жалких лодках». Упомянутый в прозаической ремарке «Остов разбитого судна», виднеющийся у берега, свидетельствует о трудности морского перехода. Строки «Да, мы приплыли издалека, / На жалких лодках сделав путь» звучат перифразой опущенного в редакции 1933 г. четверостишия из «Баллады о Виттингтоне»:

О путешествия! Не вы ль
Чудесные открыли страны,
На утлом судне в шторм и в штиль
Мы носимся по океану...

«Жалкие лодки» в стихотворении Волкова варьируют образ «ветхого судна» из «Баллады о Виттингтоне». Однако, в отличие от лирического героя Багрицкого, у героя Волкова нет сожаления о прошлом, отсутствуют ностальгические переживания. Фраза «О, не жале! Наш день вчерашний – / До капли выпитый бокал»

[Волков, 1934, с. 148] – своего рода контроверза навязчивой тяги к возвращению у Виттингтона.

Волков словно отталкивается в последней части «Возведенных на эшафот» от семантики пространства баллады Багрицкого. В то же время, несмотря на наличие схожих элементов, принадлежащих романтической поэтике (бурная мгла, морская переправа, неведомая земля, разбитая лодка), не они формируют смысловое ядро текста.

Прежде всего в характеристике героя Волкова отсутствует позиция одиночества. Он окружен спутниками, которые стали его соратниками в организации общей жизни. Через всё стихотворение проходит мотив строительства нового жилища, которое герой возводит с легким, радостным чувством обретенной свободы, вопреки грозящей от аборигенов опасности: «Забит последний гвоздь. Усталый, / Я бросил молот, кончив день. / Пот на висках, и так глубоко / Вдыхает воздух свежий грудь...» [Там же, с. 147]. Бытовая конкретика строительного сюжета в этом случае поэтизирует «я-существование» лирического героя, уверенность которому придает окружение единомышленников: «Мы отдавали жизнь недаром, / И путь к неведомой земле / Со стен, охваченных пожаром, / Мечом пробили в бурной мгле» [Там же, с. 148].

Разящий меч выступает в этом катрене как оппозиция к шпаге Виттингтона, истлевающей в бездействии «в дорожных травах» («Там шпага, брошенная мной, / В дорожных травах истлевают»). Эмблемой полноты бытия становится в последних двух катренах триада «отец – мать – сын» – обитатели нового дома:

Я понял: прошлое – условность
Лишь здесь, у этих синих гор,
И только есть – твоя готовность –
Взойти за мною на костер...

Как кедром пахнет дом наш новый.
Ты слышишь запах горьких трав?
И мальчик мой белоголовый
Уснул, к груди моей припав...
[Там же, с. 148–149.]

Сюжет этой части произведения Волкова создан по канве его собственной жизни: после долгих беженских скитаний он вместе с семьей – женой и сыном – обретает новый дом в Америке (в 1929 г. поэт получил гражданство США). Уверенность в правильности выбора формирует энергичную атмосферу стиха, конкретику образной системы с ее «поэтикой быта» (М. Гаспаров): последний забитый гвоздь, пот на висках от усталости, «скромный ужин», принесенный женой, и даже такая деталь, как ее обожженный пальчик – то ли от котла, то ли от костра, на котором готовилась еда («Мой скромный ужин принесла ты, / Твой нежный пальчик обожжен» [Там же, с. 149]). Вкрапление романтических метафор в стихотворную ткань – прошлая жизнь как «выпитый бокал», готовность разделить общую судьбу как «восшествие на костер» и др. – дань поэтической традиции, возвышающей трудный путь к свободе до героического уровня. Хотя мотив костра, пронизывающий все части «Возведенных на эшафот», имеет и вполне конкретное значение: костра инквизиции, который выполняет объединяющую функцию каждой из частей в единое целое (см. подробнее в нашей статье в: [Поэт восточной эмиграции..., 2024, с. 77–99]). Образ разбитого судна, в романтической интерпре-

тации знаменующий разбитую жизнь лирического героя, служит у Волкова эмблемой отрезанного обратного пути на родину, что, однако, становится символом не краха, но открытия новых дорог. Показательно в этом отношении само название финального раздела («Тот, кто открывает неожиданно для себя неведомые страны»), в очередной раз протягивающее диалогическую нить к балладе Багрицкого⁵:

Вступила в первый раз нога
На незнакомые от века
Чудовищные берега,
Не видевшие человека.

В неведомых герою Волкова странах, впрочем, всё же есть обитатели-аборигены, тогда как на «чудовищные берега» у Багрицкого нога человека еще не ступала.

Оба поэтических монолога написаны четверостишиями с перекрестной рифмовкой, четырехстопным ямбом, однако их звучание очень различно.

Одна из причин состоит в том, что в балладе Багрицкого мужские окончания приходятся на нечетные строки, а у Волкова – на четные. При этом, в противоположность общей тенденции⁶, ямб Волкова тяготеет к полнударности (особенно в начале и в конце стихотворения), в то время как у Багрицкого он насыщен пропусками ударений и в значительно большей степени соответствует ритмическим предпочтениям своего времени.

Стихотворный фрагмент седьмой части «Возведенных на эшафот» открывает стих необычной конфигурации: при сохранении четырех ударений, вторую позицию занимает стопа пиррихия, а третью – спондей («На западе луч рдеет алый»). Преодолев эту инициальную конвульсию, ямб Волкова выходит на достаточно старомодную полнударность, изображающую поступательное движение и восходящую, как можно предположить, к гумилевской поступи «конквистадора в панцире железном». Дважды встречаются переакцентуации в первой стопе: «Пот на висках, и так глубоко» и «Брать города в те дни мечтал...». Пропуски ударений располагаются в предсказуемых позициях – в первой («Еретиков сжигать полезно») и третьей («И путь к неведомой земле») стопах. На этом фоне ритмическим курсивом звучит стих с пиррихией на второй стопе («Встречают на опушке жен...») и, особенно сильно, единственный стих с двумя ударениями, прямо называющий персонифицированную опасность, угрозу, исходящую от «неизвестных стран»: «Татуированный дикарь».

В балладе Багрицкого нет ни спондеев, ни переакцентуаций. Здесь доминирует форма с пропуском ударения в третьей стопе. Инициальный стих полнударен, но стихи с четырьмя ударными стопами в этом контексте нечасты и выглядят вкраплениями, а не фоном. Пиррихии свободно «плавают» по всем трем из воз-

⁵ О связи мотива неведомых стран в поэзии Волкова с поэтикой Гумилева см.: [Проскурина, 2021; Поэт восточной эмиграции..., 2024, с. 20–44].

⁶ «В рифмовке *aBaB* средняя ударность и в ямбе, и в хорее оказывается повышенной по сравнению с *АвАв*. <...> Это происходит оттого, что мужские строки, оказываясь на ведущих позициях I и III, больше обычного насыщаются ударениями», – пишет об особенностях строфического ритма в четырехстопном ямбе М. Л. Гаспаров [1995, с. 54] (строчная буква означает мужскую рифму, а прописная – женскую. – Е. П.).

можных позиций. Соседство форм с пропусками в третьей и первой стопах закреплено рефреном и предопределено ритмическим рисунком трехсложного имени «Виттингтón» («– Вернись обратно, Виттингтон, / О Виттингтон, вернись обратно»). Достаточно часто встречаются формы с двумя ударениями: «Ты не заштопаешь иглой», «Не возмущаясь, не ревнуя», «И поцелуй за поцелуй...», «Мы носимся по океану...», «Мы пролагали наугад», «И оттолкнулись, и поплыли...», «Без компаса и без руля».

Эффект ритмического курсива возникает здесь при повторении стихов одной конфигурации. Самый выразительный случай такого рода – центральное четверостишие, описывающее встречу с неизведанным пространством (в редакции 1933 г. оно завершает первую половину стихотворения). Здесь единственный раз после самого начала баллады возвращается полноударность в позиции открывающего четверостишие стиха, далее, как бы в противовес, следуют подряд друг за другом три стиха с двумя по-разному распределенными ударениями: «Вступила в первый раз нога / На незнакомые от века / Чудовищные берега, / Не видевшие человека». Менее заметны, но не менее выразительны повторы, преодолевающие иногда границы четверостиший: три подряд с пиррихиями во второй стопе («Накладывали вместо крыши... // Мы сваи подымали ввысь, / Лопатами срывали скалы...») и четыре – в третьей («Нас мчало тайными путями, / Покуда корпус корабля / Не встал, сверкая парусами... // Домой! Прощение дано...»). Освобождение от ударения в вертикальном измерении стиха как бы дублирует сюжет обретения героем свободы.

Интонационный строй обоих стихотворений, каждого по-своему, выразителен, но они выражают противоположенные интенции. В стихотворении Волкова на первый план выходит волевое, наступательное начало, в то время как герой Багрицкого (и его речь) пребывает в «свободном плавании», предполагающем как отплытия, так и возвращения.

Произведенный сопоставительный анализ двух поэтических текстов, при наличии множественных перекличек, всё же не способен дать бесспорного подтверждения выдвинутой в начале этой работы гипотезы о зависимости стихотворения Волкова, лежащего в основе седьмой части «Возведенных на эшафот», от «Баллады о Виттингтоне» Багрицкого. Однако прочитанные как бы в диалоге одно с другим каждое из двух произведений более отчетливо проявляет разность душевных состояний своих авторов, выраженных в монологах их лирических героев. Состояние неопределенности, колебаний в «Балладе о Виттингтоне», изображенное средствами романтической поэтики, становится характеристикой внутренних метаний самого поэта в ранний период творчества – участника строительства «большой жизни» своей страны (по крайней мере на поверхностный взгляд), тогда как в лирическом *Я* поэта-эмигранта Волкова рельефно проступают черты воина и борца, обретшего полноту бытия в остром поединке с судьбой.

Список литературы

Багрицкий Э. Песня о Виттингтоне (Из английских песен) // Моряк (Одесса). 1923а. № 337, 15 апр. С. 2.

Багрицкий Э. Баллада о Виттингтоне, его путешествии и возвращении // Силуэты (Одесса). 1923б. № 12. С. 3.

- [Багрицкий Э.] Баллада о Виттингтоне, его путешествии и возвращении Соу-ти / Пер. Э. Багрицкого // Комсомольская правда. 1926. № 117 (300), 23 мая. С. 3.
- Багрицкий Э. Песня о Виттингтоне / Рис. худ. П. Алякринского // Красная ни-ва. 1928. № 52, 23 дек. С. 5.
- Багрицкий Э. Однотомник. М.: Сов. лит., 1934. 251 с.
- Багрицкий Э. Собр. соч.: В 2 т. / Под ред. И. Уткина; вступ. ст. Ю. Севрука. М.; Л.: ГИХЛ, 1938. Т. 1. 724 с.
- Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Е. П. Любаревой, сост. Е. П. Любарева и С. А. Коваленко, подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 569 с.
- Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.
- Боровская А. А. Ролевые баллады в русской поэзии первой трети XX в. // Гу-манитарные исследования. 2008. № 4. С. 102–110.
- Волков Б. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 161 с.
- Волков Б. России // Земля Колумба: Сборники литературы и искусства под ред. Б. Миклашевского. New York; San Francisco; Los Angeles: Zemlia Columba, 1936. Кн. 1. С. 13.
- Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: НЛЮ, 1995. 476 с.
- Гербель Н. В. Английские поэты в биографиях и образцах. СПб.: Тип. А. М. Ко-томина, 1875. 448 с.
- Диккенс Ч. Торговый дом под фирмою Домби и сын: Иллюстрированный ро-ман в переводе Введенского: В 2 кн. / 4-е изд. М.: К. К. Шамоу, 1886 (Сочинения Чар. Диккенса). 230 + 347 с.
- Дневник Литературной газеты. 12 октября // Лит. газета. 1934. № 137 (453), 12 окт. С. 1.
- Издания, поступившие в редакцию // Меч (Варшава). 1934. № 29, 2 дек. С. 8.
- Катаев В. Алмазный мой венец. München: ImWerden Verlag, 2005. 122 с.
- Липкин С. Вторая дорога. Зарисовки и соображения. М.: Олимп, 1995. 272 с.
- Паустовский К. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. 591 с.
- Поэт восточной эмиграции Борис Волков и его книга «В пыли чужих дорог» / Исследование, публ., науч. ред. Е. Н. Проскуриной; отв. ред. И. В. Силантьев. Но-восибирск: Свиный и сыновья, 2024. 250 с.
- Проскурина Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 264–280.
- Саути Р. Баллады / Пер. под ред. и с предисл. Н. Гумилева. Пг.: Гос. изд-во, 1922. 122 с. (Всемирная литература. Вып. 50)
- Тимофеева Е. Д. Н. С. Гумилев – переводчик и редактор сборника «Роберт Саути. Баллады» издательства «Всемирная литература» // Вестник Санкт-Петер-бургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (1). С. 141–155.
- Эдуард Багрицкий: Альманах / Под ред. В. Нарбута. М.: Сов. писатель, 1936. 387 с.
- English and Scottish Ballads. Selected and edited by Francis James Child. Boston: Little, Brown and Company, 1858. Vol. 8, book 9. 322 p.
- English Fairy Tales. New York: Grosset & Dunlap, 1895. 296 p.

Southey R. *Omniana, or Horæ Otiosiores*. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1812. Vol. 1. 336 p.

[Southey R.] Southey's Common-Place Book. Fourth series. Original memoranda, etc. Ed. by John Wood Warter. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. 748 p.

[Southey R.] Selections from the Letters of Robert Southey. Ed. by John Wood Warter. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1856. Vol. 3. 544 p.

References

Bagritsky E. Pesnya o Vittingtone (Iz angliyskikh pesen). *Moryak [Seaman]*, 1923, no. 337, April 15. (in Russ.)

Bagritsky E. Ballada o Vittingtone, ego puteshestvii i vozvrashchenii. *Siluety [Silhouettes]*, 1923, no. 12, p. 3. (in Russ.)

Bagritsky E. Ballada o Vittingtone, ego puteshestvii i vozvrashchenii. *Komsomol'skaya pravda [Komsomol Truth]*, 1926, May 23. (in Russ.)

Bagritsky E. Pesnya o Vittingtone. *Krasnaya niva [The Red Field]*, 1928, no. 52, December 23, p. 5. (in Russ.)

Bagritsky E. *Odnatomnik [One-volume Book]*. Ed. by I. Utkin, intr. by Yu. Sevruck. Moscow, Sovetskaya Literatura Publ., 1934, 251 p. (in Russ.)

Bagritsky E. Collected Works. In 2 vols. Moscow, Leningrad, GIKHL, 1938, vol. 1, 724 p. (in Russ.)

Bagritsky E. *Stikhotvoreniya i poemy [Poems and Poetry]*. Intr. by E. P. Lyubareva, comp. by E. P. Lyubareva & S. A. Kovalenko, prep. and comment. by S. A. Kovalenko. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964, 569 p. (in Russ.)

Blyum A. Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariyami [Banned books by Russian writers and literary critics. 1917–1991: Index of Soviet Censorship with commentaries]. St. Petersburg, 2003, 404 p. (in Russ.)

Borovskaya A. A. Rolevye ballady v russkoi poezii pervoi treti XX v. *Gumanitarnye issledovaniya [Humanitarian Studies]*, 2008, no. 4, pp. 102–110. (in Russ.)

Dickens Ch. Torgovyi dom pod firmoyu Dombi i syn [Dombey and Son Trading House], illjustrirrovannyi roman v perevode Vvedenskogo. In 2 dooks. 4th ed. Moscow, K. K. Shamov, 1886, 230 + 347 p. (in Russ.)

Dnevnik Literaturnoi gazety. 12 oktyabrya. *Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]*, 1934, no. 137 (453), October 12, p. 1. (in Russ.)

Gasparov M. L. Selected articles. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1995, 476 p. (in Russ.)

Gerbel N. V. Angliyskie poety v biografyakh i obraztsakh [English Poets in biographies and specimens]. St. Petersburg, A. M. Kotomin Publ., 1875, 448 p. (in Russ.)

Izdaniya, postupivshie v redaktsiyu. *Mech [Sword]* (Warszawa), 1934, no. 29, December 2, p. 8 (in Russ.)

Kataev V. *Almaznyi moi venets [My Crown of Diamonds]*. München, ImWerden Verlag, 2005, 122 p. (in Russ.)

Lipkin S. Vtoraya doroga. Zarisovki i soobrazheniya [The Second Road. Sketches and Considerations]. Moscow, Olimp, 1995, 272 p. (in Russ.)

Narbut V. (ed.). Eduard Bagritsky: Al'manakh [Eduard Bagritsky: Almanac]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1936, 387 p. (in Russ.)

Paustovsky K. Collected Works. In 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 5, 591 p. (in Russ.)

Proskurina E. N. (ed.) Poet vostochnoi emigratsii Boris Volkov i ego kniga "V pyli chuzhikh dorog" [Eastern emigration poet Boris Volkov and his book "In the Dust of Foreign Roads"]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya, 2024, 250 p. (in Russ.)

Proskurina E. N. Vostok v tvorchestvom soznanii B. Volkova. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2021, no. 1, pp. 264–280. (in Russ.)

Southey R. Ballady [Ballads]. Ed. by N. Gumilev. Petrograd, 1922, 122 p. (in Russ.)

Timofeeva E. D. N. S. Gumilev – perevodchik i redaktor sbornika "Robert Sauti. Ballady" izdatel'stva "Vsemirnaya literatura" [N. S. Gumilev – translator and editor of the collection "Robert Southey. Ballads" of the "World Literature" publishing house]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], 2019, no. 16 (1), pp. 141–155. (in Russ.)

Volkov B. V pyli chuzhikh dorog [In the Dust of Foreign Roads]. Berlin, Parabola, 1934, 161 p. (in Russ.)

Volkov B. Rossii. *Zemlya Kolumba* [Columbus Land], 1936, book 1, p. 13. (in Russ.)

Приложение

Эдуард Багрицкий

Песня о Виттингтоне

- 1 Он мертвым пал. Моей рукой
- 2 Водила дикая отвага...
- 3 Ты не заштопаешь иглой
- 4 Прореху, сделанную шпагой!
- 5 Я заплатил свой долг, любовь,
- 6 Не возмущаясь, не ревнуя;
- 7 Недаром помню: кровь за кровь
- 8 И поцелуй за поцелуи...
- 9 О ночь в дожде и фонарях,
- 10 Ты дуешь в уши ветром страха
- 11 ...Сначала судьи в париках,
- 12 А там палач, топор и плаха...
- 13 Я трудный затвердил урок
- 14 В тумане ночи непробудной;
- 15 На юг, на запад, на восток
- 16 Мотай меня по волнам, судно...
- 17 И дальний берег за кормой,
- 18 Омытый морем, тает, тает...
- 19 Там шпага, брошенная мной,
- 20 В дорожных травах истлевает...

21 А с берега несется звон,
22 И песня дальняя понятна:
23 – Вернись обратно, Виттингтон,
24 О Виттингтон, вернись обратно!

25 О путешествия! Не вы ль
26 Чудесные открыли страны,
27 На утлом судне в шторм и в штиль
28 Мы носимся по океану...
29 Был ветер в сумерках жесток,
30 А на заре, сырой и алой,
31 По днищу заскрипел песок.
32 И судно, дрогнув, затрещало.
33 Вступила в первый раз нога
34 На незнакомые от века
35 Чудовищные берега,
36 Не видевшие человека.
37 Мы бревна складывали в ряд,
38 Дверные прорубали ниши.
39 Из листьев пальмовых накат
40 Накладывали вместо крыши...
41 Мы сваи подымали ввысь,
42 Лопатами срывали скалы...
43 ...О Виттингтон, вернись, вернись! –
44 Волна у взморья ворковала...
45 Мы пролагали наугад
46 Дорогу средь пустых побережий.
47 – О Виттингтон, вернись назад! –
48 Мне веял в уши ветер свежий...
49 И с моря доносился стон,
50 Звеневший нежно и невнятно:
51 – Вернись обратно, Виттингтон,
52 О Виттингтон, вернись обратно!

53 Мы дни и ночи напролет
54 Стругали, резали, рубили,
55 И грузный сколотили плот,
56 И оттолкнулись, и поплыли...
57 Без компаса и без руля
58 Нас мчало тайными путями,
59 Покуда корпус корабля
60 Не встал, сверкая парусами...
61 Домой! Прощение дано –
62 И снова сын приходит блудный,
63 Звени ж на мачтах, полотно,
64 Гуди и содрогайся, судно...

65 А с берега несется звон,
66 И песня близкая понятна:
67 – Вернись обратно, Виттингтон,
68 О Виттингтон, вернись обратно.

Источник: Багрицкий Э. Песня о Виттингтоне / Рис. П. Алякринского // Красная нива. 1928. № 52, 23 дек. С. 5.

Борис Волков

VII. Тот, кто открывает неожиданно для себя неизвестные страны

Пологий берег. Прибой. У берега виден остов разбитого судна. На холме часовой-латник. Он зорко всматривается из-под ладони в даль. Закатный луч солнца, горит на его медном шлеме. На опушке леса не смолкают удары топоров.

На западе луч рдеет алый,
Но здесь, в долине, пала тень.
Забит последний гвоздь. Усталый,
Я бросил молот, кончив день.

Пот на висках, и так глубоко
Вдыхает воздух свежий грудь...
Да, мы приплыли издалека,
На жалких лодках сделав путь.

Так бысролетны дни! Давно ли
На всем просторе Нидерланд
Зажглись костры, и стоны боли
Смешались с выкриком команд?

Начертан был закон железный:
– «В борьбе все меры хороши.
Еретиков сжигать полезно
Для их же собственной души!».

Мы отдавали жизнь не даром,
И путь к неведомой земле
Со стен, охваченных пожаром,
Мечом пробили в бурой мгле.

Не раз с тех пор на лес и доли
Сходила с гор ночная мгла,
И много шляп широкополых
Пронзила гибкая стрела.

Но строю дом я. Пусть со склона
Доносит ветер – дым и гарь, –

Сюжет, мотив, жанр

Узнает силу мушкетона
Татуированный дикарь.
...Еще ушедший день. Солдаты
Встречают на опушке жен...
Мой скромный ужин принесла ты.
Твой нежный пальчик обожжен.
Я в честь твою разрушить башни,
Брать города в те дни мечтал...
О, не жалею! Наш день вчерашний –
До капли выпитый бокал.
Я понял: прошлое – условность
Лишь здесь, у этих синих гор,
И только есть – твоя готовность –
Взойти за мною на костер...
Как кедром пахнет дом наш новый.
Ты слышишь запах горьких трав?
И мальчик мой белоголовый
Уснул, к груди моей припав...

Сан-Франциско

Источник: *Волков Б.* В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. С. 147–149.

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук

Information about the Author

Elena N. Proskurina, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 12.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 06.04.2025
The article was submitted on 12.03.2025;
approved after reviewing on 06.04.2025; accepted for publication on 06.04.2025*

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1